

ДѢТИ

Когда Наполеонъ спросилъ у мадамъ Кампанъ: «чего не достаетъ для воспитанія дѣтей»? - она отвѣчала: - «матерей». Мы, если-бы намъ сдѣлали такой вопросъ, отвѣтили-бы на него иначе. Отцовъ не достаетъ нашимъ дѣтямъ. Сама женщина не забыла-бы о своемъ главнѣйшемъ назначеніи, если-бы этого не сдѣлалъ прежде мужчина. Отцы не только забываютъ о своихъ дѣтяхъ, но еще отнимаютъ у нихъ и матерей. Современные отцы первые сказали, что быть матерью, значить почти тоже, что быть самкой, очень наивно забывая, что словами отецъ и мать означаются какъ-бы двѣ главнѣйшія человѣческія должности, которыя, если-бы исполнялись какъ слѣдуетъ, не толкали-бы, какъ теперь, а двигали бы человѣчество. Въ статьѣ къ женщинамъ мы указали на путь, которымъ отводится современная женщина

отъ семьи; теперь-же посмотримъ куда пришла она и гдѣ ея дѣти?

Значеніе дѣтей въ обществѣ недостаточно еще сознано. О дѣтяхъ, давно уже вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста, говорятъ много, о дѣтяхъ-же собственно почти ничего, между тѣмъ какъ въ нихъ - главная связь семьи. При тѣсномъ сближеніи мужчины съ женщиной можетъ существовать только пара; до тѣхъ поръ, пока у этой пары нѣтъ дѣтей, - нѣтъ въ настоящемъ смыслѣ и семьи. Связь мужчины съ женщиной не такъ еще крѣпка, они болѣе любовники. Супругами-же вполне они дѣлаются когда между ними является новый индивидуумъ, связанный по природѣ столько-же съ отцомъ, сколько и съ матерью. Дѣти по этому есть центръ семьи. Если пошатнуть этотъ центръ, то не устоитъ и семья. Въ нашемъ образованномъ обществѣ онъ сильно пошатнуть. Дѣти въ семьѣ своей какъ-бы пріемыши. Между тѣмъ какъ у американцевъ, которыхъ чаще всего съ нами сравниваютъ, бездѣтность считается большимъ несчастіемъ, у насъ ея

чуть-ли не добиваются. Всѣ хотятъ быть только любовниками, а не отцами и матерями; отъ этого понятно разумѣется и отрицаніе ревности, и позывы къ холостой жизни, и теперешнее безобразное дѣвство. Между тѣмъ какъ въ Америкѣ даже любовныя письма обязываютъ къ женитьбѣ, что разумѣется крайность и формалистика, у насъ и на первыя объятія любви смотрятъ слегка, что уже страшная несправедливость. Сиротѣютъ наши дѣти, опошливается до крайности «современная» семья.

Если теперешнее поколѣніе разошлось съ прежнимъ, то это еще дѣло исправимое, но если оно разойдется съ будущимъ - выйдетъ худо. Въ этомъ, какъ намъ кажется, самая крупная ошибка нашихъ эмансипаторовъ, что они менѣе всего думаютъ о дѣтяхъ. Всѣ герои ихъ даже, какъ мы уже замѣтили, бездѣтны. Юноши еще составляютъ предметъ ихъ попеченій, да и то болѣе потому, чтобы увеличить свою партію. Дѣти-же въ настоящемъ смыслѣ ихъ мало интересуютъ. Ни одной сколько-нибудь замѣчательной статьи о

воспитаніи не встрѣчается въ ихъ журналахъ. Но это-бы еще не бѣда; бѣда въ томъ, что увлекшись порывистыми стремленіями впередъ, они заговорили, затормошили женщину. Послѣдняя до того потерялась, что и материнскіе инстинкты въ ней какъ будто исчезли. И вотъ такимъ-то образомъ многія очутились чуть не сиротами въ обществѣ. Родительская палка оказалась даже лучше родительской ласки. Характеристическія слова эти вполнѣ выражаютъ ту породу отцовъ, которая вѣритъ такимъ заѣдающимъ нашу жизнь фразамъ. А кто теперь такимъ фразамъ не вѣритъ? Фразы извѣстнаго рода только и имѣютъ теперь успѣхъ. Искренно мыслящему человѣку нечего и удивляться, если его мысль не скоро и не вдругъ встрѣтитъ сочувствіе. Онъ даже не долженъ и ожидать этого при той тревогѣ, которая распространялась въ обществѣ по разнымъ причинамъ. Бойкая рѣзкость, а не глубина, легко срывающаяся съ языка фразистость, а не изъ души выходящее съ болью и мученіемъ слово, - теперь нужны.

Слышали мы когда-то отъ одного лингвиста, что на древнемъ еврейскомъ языкѣ дѣти и мысль выражаются однимъ и тѣмъ-же словомъ. Одноименность эта имѣетъ глубокой смыслъ. И дѣти и мысль дѣйствительно рождаются трудно и при самомъ своемъ появленіи окружены страшными невзгодами. Даже и цѣли-то въ нашихъ дѣтяхъ какъ и въ нашемъ словѣ почти однѣ. Чего не удастся высказать посредствомъ одного, то мы можемъ съ большею полнотою выразить посредствомъ другого. Одинъ отецъ, помнится мнѣ, говариваль: я провель праздно жизнь, даромъ растратилъ силы, ничего путнаго послѣ себя не оставлю, но у меня есть сынъ, который, надѣюсь, будетъ человѣкомъ, - и потому я умру спокойно.

Дѣти - наше будущее. Чѣмъ болѣзненнѣе совершается рожденіе нашей мысли, тѣмъ больше нѣжности и заботливости должно прилагать къ воспитанію дѣтей. Вопросъ о дѣтяхъ долженъ сдѣлаться самымъ насущнымъ вопросомъ нашей литературы. Всѣ наши

передразги съ неохотно уступающими намъ мѣсто отцами - ничто передъ подготовкою, которую мы должны сдѣлать для будущаго посредствомъ дѣтей. Такой ригоризмъ посреди теперешней распущенности многихъ конечно удивить, а нѣкоторыхъ пожалуй и насмѣшить. Какже въ самомъ дѣлѣ не смѣяться, когда говоря о прогрессѣ, начинаютъ съ дѣтей! Другіе быть можетъ подумаютъ, что это голосъ старика. Пусть себѣ думаютъ. Все это нисколько не остановитъ насъ въ томъ, чтобы довести мысль до конца.

Первое что болѣе всего поражаетъ, если взглянуть въ строй нашей современной семьи, это то, что на матери лежатъ всѣ труднѣйшія заботы о дѣтяхъ и отецъ отъ семьи какъ-будто устраняется. Мать конечно раждаетъ и прежде всего воспитываетъ; но дѣло идетъ тутъ не о воспитаніи, а о чорной работѣ, которою обременилъ ее слишкомъ мужчина. Если мы

желаемъ выдвинуть женщину на производительный трудъ и вывести изъ спальни и дѣтской, гдѣ она до сихъ поръ была подавляема заботами, то мы сами прежде должны туда войти и взять часть этой черной работы, отъ которой хотимъ ее избавить. Иначе дѣтямъ будетъ плохо; дѣти останутся одни. Это сближеніе отцовъ съ дѣтскимъ міромъ есть такое-же непремѣнное условіе къ улучшенію положенія женщинъ, какъ и удержъ, которую мы рекомендовали мужчинамъ.

Видали-ли вы, господа реалисты, что значить ухаживаніе за дѣтьми? Это такое тяжелое дѣло, отъ котораго женщина не только преждевременно увядаетъ, но и тупѣетъ и дѣлается совсѣмъ негодною для воспитанія. Мать, утомленная дневными заботами и супружескою нѣжностію, засыпаетъ. Сонъ ея сладокъ, но не продолжителенъ. Вотъ раздается пронзительный крикъ больного ребенка: дѣти вѣдь все дѣтство свое больны; она подымается съ постели, качаетъ, носитъ, баюкаетъ, ласкаетъ своего малютку,

бранить его и поеть. И эта пѣснь, на половину перемѣшанная со слезами и ропотомъ, тянется иногда всю ночь. Ребенокъ, убаюканный заунывными звуками, засыпаетъ. Тогда только бѣдная мать ложится опять подлѣ своего спящаго непробуднымъ сномъ мужа. Чего не переживаетъ тогда на душѣ женщины? Какимъ призракомъ представляется все ея счастье? какую горечью наполняется ея сердце отъ своей-же собственной пѣсни? Справедливо-ли дѣлаетъ мущина, что этимъ болѣзненнымъ материнствомъ какъ-бы продолжаетъ муки родовъ? Давно-ли она раздѣлялась съ неумолимой природой, давно-ли все ея слабое тѣло извивалось отъ судорожно-конвульсивныхъ движеній, крупныя слезы смѣшивались съ холоднымъ потомъ и боль жгучая безъ отдыха, безъ конца пронзала всѣ ея нервы?! И она наконецъ безумно вскрикивала, раждала дитя, - и это дитя опять дѣлается ея мученіемъ. Ребенку необходимы какъ воздухъ материнская ласка и материнское молоко, но уходъ долженъ быть и со

стороны отца. Это трудъ общій: ихъ дитя - ихъ общее сокровище, оба и должны сберечь его.

Разумѣется все это говорится не въ отношеніи меньшинства тѣхъ семействъ, которыя могутъ имѣть нянекъ. Послѣдняя, если только какъ слѣдуетъ приготовлена къ своей должности, можетъ быть не только не лишнимъ лицомъ, но даже какъ-бы членомъ семьи: нянька это наемная мать. У насъ-же она на положеніи слуги. Положеніе нянекъ болѣе трудно и болѣе почтенно, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Отъ наемныхъ материнскихъ заботъ по чужимъ дѣтямъ женщина не только старѣетъ, но и высыхаетъ какъ мумія. Нянька избавляетъ не только отца, но и мать отъ ея труднѣйшихъ обязанностей. Она первая воспитательница челоѣка. Званіе няньки обусловливаетъ много свѣденій: ухаживаніе за маленькими дѣтьми - основа ихъ будущаго развитія. По настоящему

должны-бы существовать даже школы, гдѣ-бы няньки наравнѣ обучались съ акушерками и можетъ быть, - что удобоисполнимѣе, вмѣстѣ съ ними. Какъ для акушерки необходимы познанія объ устройствѣ и о болѣзняхъ женскаго организма, такъ тоже и няньки въ настоящемъ смыслѣ этого слова должны быть хорошо знакомы съ дѣтской гигиеной. Никакіе совѣты докторовъ не могутъ предотвратить тысячи несчастныхъ случаевъ, которые происходятъ отъ невѣжества нянекъ и матерей. И наконецъ совѣты эти такъ дороги. Всѣ жалуются на смертность и частое заболѣваніе дѣтей. Они дѣйствительно мрутъ какъ мухи: у насъ дѣтей умираетъ около половины до пятилѣтняго возраста. Если носы и губы дѣтей раздуваетъ золотуха, желѣза сдавливаютъ горло, англійская болѣзнь кривитъ члены, то это зависитъ не столько отъ наслѣдственной болѣзни отцовъ, сколько отъ пичканія, которому подвергаютъ дѣтей матери и няньки.

Нравственное безобразіе, производимое въ ребенкѣ нянькой, еще очевиднѣе. Однѣ дѣтскія игры чего стоятъ. Игра есть для дитяти дѣло столь-же для него важное, какъ занятіе для взрослыхъ. Отъ игрушекъ люди переходятъ мало-по-малу къ дѣлу. Совсѣмъ дитя ихъ рѣдко оставляетъ. Сущность труда есть сосредоточеніе способностей съ опредѣленною цѣлью; игра-же есть безпрестанная перемѣна отъ недостатка цѣли и невозможности имѣть цѣль. Это-то быстрое движеніе способностей и есть занятіе единственно доступное ребенку. Играя и упражняя свои способности, дитя какъ-бы готовится къ дѣлу. Если эта мѣна способностей будетъ доходить до крайности и ребенокъ, взявшись за одно, схватится сейчасъ-же за другое, потомъ за третье и такъ далѣе, то изъ этого разовьется и безалаберность, и прихоти, и капризы, и все, что происходитъ отъ слишкомъ большой подвижности въ ребенкѣ. Если-же наоборотъ дитя будетъ слишкомъ долго останавливаться на однихъ и тѣхъ-же предметахъ, то однообразіе

впечатлѣній, несообразное съ дѣтскимъ возрастомъ, можетъ мѣшать развитію его способностей. Дитя дѣлается сосредоточеннымъ, невеселымъ и даже скучнымъ. Изъ одного уже этого видно, что если ребенокъ не можетъ имѣть опредѣленной цѣли въ своихъ играхъ, то цѣль эта должна быть въ головѣ ухаживающихъ за ребенкомъ. Игрушки нужно не только изобрѣтать, но еще и умѣть играть ими. Дѣло нелегкое. Предметы природы, растенія и животныя, какъ живыя такъ и искусственныя, могутъ служить неисощимой темой для дѣтскихъ игрушекъ: такими-бы игрушками развивался умъ, и память, и натуральное чувство въ человѣкѣ. Что-же касается до куколъ, то игра съ ними требуетъ быть можетъ еще большаго присмотра. Въ обращеніи дѣтей съ куклами и животными кладется основа будущихъ поступковъ съ людьми. Словомъ - дѣтскія игры есть такой предметъ, надъ которымъ есть о чомъ задуматься и нянькѣ, и матери, и отцу.

Разумѣется, что говоря о нянѣкѣ, мы не упомянули о главнѣйшемъ: о любви нянѣки къ самому дѣлу, къ самому ребенку, - любви, которая дѣлаетъ изъ нея уже не «наемную мать», а вторую мать. Но мы потому не упоминали объ этомъ, что любви этой не купишь и не наймешь и не въ какихъ школахъ этому не выучишься. Русская нянѣка только однимъ этимъ и беретъ. Она сама, силою своей любви и привязанности къ цѣлой семьѣ, которую она вынянѣчить, посвятивъ иногда одной семьѣ всю свою жизнь, - обращается наконецъ не въ наемщицу, а въ члена семьи *de facto*. Правда, эта любовь, эта привязанность къ дѣтямъ чуть не главнѣйшая половина дѣла; но тѣмъ не менѣе очень желательно-бы, чтобъ и русская нянѣка научилась многому чего ей не достаетъ. Чѣмъ позже начинается воспитаніе ребенка, тѣмъ оно безсильнѣе. Если ребенокъ и лицомъ и ростомъ походить на своихъ родныхъ, то понятно, что онъ и достоинства, и недостатки, и болѣзни отъ нихъ наслѣдуетъ. Развить

одно, устранить другое и ослабить третье можно только въ самомъ раннемъ возрастѣ, когда ребенокъ на рукахъ няньки. Привычка вторая натура, воспитаніе - второе созданіе. Хотя природа и даетъ толчокъ жизни преимущественно актомъ зачатія, и тогда уже ей такъ сказать извѣстно - на кого и сколько эта жизнь въ зародышѣ будетъ похожа, но обстоятельства дѣлаютъ легко уклоненія; а остановочной черты нѣтъ на всемъ протяженіи выростація зародышнаго индивидуума въ сложный человѣческій организмъ. Обстоятельства вліяютъ на ребенка даже и тогда, когда онъ еще подъ сердцемъ матери. Какже мы отдаемъ и отдаемъ своихъ дѣтей такъ на произволь обстоятельствъ и они подобно морскому вѣтру, оставляющему фигуры на пескѣ, чертятъ дѣтскіе характеры?..

Тутъ опять сталкиваемся мы съ новой бѣдой - съ отдаленностію отношеній родителей къ дѣтямъ. Хотя отношенія нашего поколѣнія и сдѣлались значительно мягче, но нельзя еще сказать, чтобы мы къ

своимъ дѣтямъ стали ближе. Взглядъ
взрослаго на дѣтей по прежнему
высокомѣренъ. Вѣчное исканіе одной
только непосредственной пользы и желаніе
быть всегда сухимъ и серьезнымъ -
мѣшаютъ намъ какъ снисходить до дѣтей,
такъ и дѣтямъ приближаться къ намъ.
Реалистическій плащъ, въ который
думаютъ закутаться будущіе отцы наши,
еще болѣе перепугаетъ бѣдныхъ малютокъ.
Чтобы умѣть дѣйствовать на ребенка,
недостаточно домашней дисциплины и
учительскаго самообладанія, нужно, чтобы
отецъ и мать какъ-бы помолодѣли. Матери
еще могутъ молодѣть, - и при серьезномъ
даже образованіи онѣ забавляютъ иногда
ребенка по цѣлымъ днямъ, играя и
распѣвая уже болѣе веселыя чѣмъ ночью
пѣсни, - но отцы очень рѣдко. Даль денегъ,
совѣсть чиста и дѣло съ концомъ, такъ
думаетъ теперь многое множество отцовъ.

Эта-же самая поверхность взгляда на развитие маленьких дѣтей поддерживаетъ въ обществѣ и необходимость наказаній. Желаніе какъ можно скорѣе отдѣлаться и нетерпѣніе при встрѣтившихся препятствіяхъ - были причиной той системы, во главѣ которой стоятъ розги. За ребенка берутся не съ той стороны, - природа его не поддается; воспитатель въ гнѣвѣ - отсюда и розги. Наказывая дитя, родители наказываютъ такъ сказать свою-же собственную природу. Это есть какъ-бы самобичеваніе семьи, отзывающееся на дѣтяхъ. Анализъ мученія, доставляемаго тѣлесными наказаніями, превосходно развитъ въ запискахъ Мертваго Дома. Мы же съ своей стороны прибавимъ, что эффектъ ихъ на дѣтяхъ вѣроятно нисколько не меньше. Нервная система дѣтей воспріимчивѣе чѣмъ у взрослыхъ; этимъ даже объясняются частыя судороги въ дѣтскомъ возрастѣ и происхожденіе ихъ отъ самыхъ незначительныхъ причинъ. Мы даже думаемъ, что большая часть эпилептиковъ, страдающихъ падучею

болѣзною въ простомъ народѣ, особенно между солдатами, пріобрѣли ее вслѣдствіе тѣлеснаго наказанія. Испугомъ объясняютъ-же ея происхожденіе. Наше глубокое убѣжденіе, что съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній люди избавились теперь отъ многихъ и многихъ нервныхъ недуговъ. Дѣти впрочемъ еще не совсѣмъ отъ нихъ избавлены, особливо крошечныя. Да минуетъ-же ихъ родительская палка, которую рекомендуютъ вмѣсто нѣжности. Имъ нужна ласка, уходъ, какъ за самыми нѣжными и дорогими растеніями, иначе они умираютъ, не дохнувши жизнию. Въ нѣкоторыхъ странахъ и животныхъ запрещено бить и они значить избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній, - тѣмъ болѣе это должно быть въ отношеніи дѣтей.

Съ вопросомъ о дѣтяхъ тѣсно связанъ и вопросъ о слугахъ. Слуги - это первые люди послѣ родныхъ окружающіе ребенка. Наконецъ они сами тоже въ своемъ родѣ дѣти, потерявшія часто способность быть взрослыми. Испорченность и развращенность слугъ вошли въ поговорку,

и если на комъ болѣе всего отражается эта испорченность, - то это на дѣтяхъ. Если справедливо, что всякій долженъ распространять свѣденія и здравыя понятія въ той средѣ, въ которую онъ поставленъ, то скорѣй всего этотъ свѣтъ и гуманность нужно распространять въ слугахъ; отъ нихъ уже пойдетъ и дальше. И главное дѣти не будутъ подвергаться вредному вліянію. Поэтому даже личный интересъ семьи побуждаетъ насъ къ сближенію съ слугами. Слуга если не другъ, то большею частію врагъ; это ужъ такое скверное положеніе. Барыни наши обыкновенно на слугъ ворчатъ, а мужья ихъ бранятся; но никто изъ нихъ не хочетъ дать хорошаго совѣта, растолковать, объяснить, подѣйствовать примѣромъ, а при случаѣ и книгой. Съ этой-же точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія нигилистовъ, смотрящихъ на простолюдиновъ какъ на машины, мы должны относиться и къ народу. Въ близкихъ родственныхъ, а не въ дворянски-сословныхъ отношеніяхъ должны мы

находиться съ нимъ, а потому-то и должны быть на него похожи.

Дѣти и народъ - наше будущее. Этого мы никогда не должны упускать изъ виду при воспитаніи. Давно уже объяснена и доказана сила примѣра въ дѣтскомъ возрастѣ. На этомъ основана и сила воспитанія и сила искусства. Искусство прельщаетъ насъ идеаломъ, воспитаніе дѣйствуетъ примѣромъ. Какъ дидактическая или тенденціонная поэзія бессильна, такъ и одно наставленіе напрасно. Примѣръ выше всего. Это какъ-бы электрическая сила, возстановляющая онѣмѣвшіе органы. Ни одинъ нашъ поступокъ, ни одно сильное душевное движеніе въ присутствіи дѣтей не обходится безъ того, чтобы оно на нихъ не подѣйствовало. Родители и воспитатели обыкновенно и не стѣсняются этимъ. Безстыдство, неделикатность и невоздержанность въ поступкахъ доходятъ иногда до крайности. Какъ морская губка, мозгъ ребенка все въ себя впитываетъ. О послѣдствіяхъ никто не думаетъ. Разсчеты

на школы и жизнь однимъ настоящимъ ослабляютъ въ нашихъ отцахъ и матеряхъ всякую совѣстливость передъ дѣтьми, передъ этимъ воплощеніемъ будущаго. Отчасти эта совѣстливость существуетъ, иначе и говорить-бы было не зачѣмъ, но существуетъ въ самомъ нелѣпомъ видѣ. Стѣсняются напримѣръ разговорами о беременности, о рожденіи, любовныхъ интригахъ, какъ будто только одной любви и надо бояться ребенку. Нѣтъ, пусть они ограничатъ себя во всемъ что вредно дѣйствуетъ на ребенка, и тогда это ограниченіе подѣйствуетъ прогрессивно даже и на нихъ самихъ. Замѣчательно, что рожденіе ребенка дѣлаетъ иногда какъ-бы цѣломудреннѣй родителей, особенно мать: отъ нея положительно отлетаютъ всѣ любовные помыслы, дальше даже, чѣмъ отъ другой дѣвушки. Она какъ-бы влюбляется въ свое дитя. На мужѣ даже отражается ея холодность, - и не безъ пользы для него. Презрѣніе заслуживаетъ та женщина, которая мѣняетъ своихъ дѣтей на любовниковъ, и несчастны тѣ отцы, сердце

которыхъ не смягчалось привязанностію къ дѣтямъ.

Этимъ-же равнодушіемъ и безотвѣтственностію отцовъ въ семьѣ можно объяснить и сравнительно большее развитіе ученія передъ воспитаніемъ. Воспитаніе конечно должно различать отъ ученія: послѣднее развиваетъ умъ, наполняетъ голову свѣденіями; второе даетъ форму человѣку - облагораживаетъ, даетъ тонъ волѣ и поступкамъ его. Ученіе, сосредоточиваясь болѣе въ школѣ, идетъ еще какъ-нибудь; но воспитаніе, котораго начало въ семьѣ, совсѣмъ въ упадкѣ. Многіе, чтобы сбыть съ рукъ и частію изъ нужды, отдають поскорѣе дѣтей въ закрытыя заведенія и этимъ окончательно ихъ портятъ: дѣти выходятъ хорошо обученныя, но дурно воспитанныя. Дѣти въ пансіонѣ образуютъ какъ-бы общество, гдѣ жизнь ихъ развивается болѣе, чѣмъ позволяетъ природа. Чѣмъ раньше

оставляетъ ребенокъ свою семью, тѣмъ преждевременнѣе онъ дѣлается взрослымъ. Отсюда то ненормальное развитіе дѣтскихъ страстей, которое съ такою силою проявляется въ закрытыхъ заведеніяхъ. Институтское обожаніе, записочки, стыдливость по согласію, раскрашиваніе перьевъ для учителей, - есть своего рода интрига съ ними и другъ съ другомъ; и это страстное выраженіе непреодолимаго стремленія женщины любить развивается только вслѣдствіе замкнутости и скопленія дѣтей. Послѣ, когда мужчины, на которыхъ пансіонерка привыкла смотрѣть какъ на ангеловъ, оказываются демонами, она переходитъ изъ одной крайности въ другую. Въ мальчикахъ-пансіонерахъ эта-же самая потребность выражается уже циничнѣе: у нихъ развиваются настоящія дѣтскія страсти. Объ этихъ страстяхъ пишутся цѣлыя книги, онѣ дѣлаются источникомъ мученія медиковъ и родителей, да и самого ребенка оставляютъ иногда калѣкою на всю жизнь, не говоря уже о нравственной порчѣ. Если въ человѣкѣ страсти сильны,

неискоренимы, то это конечно преждевременно-развившіяся. Кромѣ закрытыхъ заведеній и слишкомъ тѣснаго сближенія дѣтей, при этомъ дѣйствуетъ конечно и неосторожность взрослыхъ и неосторожность такъ сказать общества. Если не во имя женщины, то во имя дѣтей мы должны не позволять безобразить нашихъ улицъ портретами падшихъ женщинъ. Инструментальные мастера почему-то особенно взяли себѣ въ видѣ привилегіи этого рода вывѣски, подлѣ которыхъ вѣчно толпится куча дѣтей. Да и простой народъ началъ полюбивать эти зрѣлища. Дѣятельность значитъ пошла въ ширь. И хоть-бы одинъ фельетонистъ-фланёръ обмолвился, - ни одного голоса, ни одного звука. А между тѣмъ это даже со стороны общественной гигіены и медицинской полиціи страшно вредно. И ни на кого не дѣйствуютъ такъ вредно эти картинки у оконъ, какъ на пансіонера или кадета. Для него это составляетъ уже слишкомъ рѣзкій переходъ отъ монастырской почти жизни къ

вакхическому поддразниванію юности. Закрытыя заведенія въ нѣкоторой степени допустимы только благодаря крайнему безобразію многихъ семей. Деревенскимъ жителямъ пожалуй нелегко обойтись безъ нихъ когда придетъ время ученія. Трудно еще впрочемъ рѣшить, что лучше - жизнь-ли въ чужой семьѣ, если эта семья хороша, или жизнь въ школѣ. Въ семьѣ ребенокъ не такъ отгораживается отъ общества, знакомится и съ нуждами и съ потребностями взрослыхъ людей. Институты, пансіоны и корпуса есть своего рода коммуны, гдѣ дѣти разныхъ возрастовъ, разныхъ способностей, разныхъ привычекъ сводятся подъ одинъ уровень, стригутся подъ одну гребенку. Ослабленіе семейнаго начала и нѣкотораго рода вражда къ нему много зависѣли отъ существовавшего у насъ избытка закрытыхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Въ особенности тутъ кажется бурса подгадила. Трудно повѣрить, чтобы соединеніе столькихъ дурныхъ условій, какъ семинарское заточеніе, могло

произвести что-нибудь особенно плодотворное. Это суровое воспитание произвело и мрачныя идеи, уничтожившія много чувства добра и красоты.

Одно изъ первыхъ воспитательныхъ средствъ, дающихъ тонъ организму и противовѣшивающихъ страстямъ, - физическое развитіе. Дѣятельность, работа мышцъ есть отвлеченіе отъ дѣятельности ума и еще болѣе отъ воображенія, въ которомъ стимуль страстей. Древнее выраженіе: здоровый умъ въ здоровомъ тѣлѣ, основывается на томъ, что сила ума не встрѣчаетъ для себя большого противовѣса въ страстяхъ когда организмъ силенъ и правильно развитъ. Страсти упорны и такъ сказать неумѣстны болѣе въ слабыхъ организмахъ, чѣмъ въ сильныхъ. По изслѣдованію экономистовъ слабые и худо питающіеся жители имѣютъ больше дѣтей; но за то эти дѣти чаще и мрутъ въ противоположность сильнымъ и

безстрастнымъ аристократамъ Англїи, у которыхъ мало родится, но столь-же мало и умираетъ. У бѣдныхъ дѣйствительно много дѣтей. Такъ-то рука объ руку идутъ бѣдность, смертность и человѣческія страсти.

Наше поколѣніе, говорятъ, мельчаетъ, не выдерживая широкой дѣятельности, и дѣлается то жертвою идей, то жертвою страстей, а чаще всего и того и другого вмѣстѣ. Сидячая жизнь, отсутствіе физическихъ упражненій, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь необходимыхъ въ нашемъ холодномъ климатѣ, и дали такой неправильный ростъ нашему самообладанію. Особенно отражается это на женщинахъ собственно нашего общества. Вмѣстѣ съ умственной неподвижностію въ нихъ соединяется также и физическая. Наша женщина болѣе всего, кажется, сидитъ или лежитъ. Ходьба для нѣкоторыхъ женщинъ составляетъ мученье. Къ ней или къ ея рукѣ не только приросла игла, но и сама она какъ-бы пришита къ мѣсту. Разумѣется это говорится не о

всѣхъ; есть много прогуливающихся всю жизнь, и эти послѣднія портятъ уже свои организмы иначе. Замыкая бюсты въ стальные корсеты, онѣ ослабляютъ движеніе груди, заставляютъ ее дышать только одною верхнею половиною, что нормально только въ беременности. Известно, чтъ есть дыханіе мужское (нижнею частію груди) и женское (верхнею). Въ высшихъ сословіяхъ разница между дыханіемъ мужскимъ и женскимъ особенно велика. Цивилизація въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, дифференцируетъ такъ сказать мушину и женщину болѣе, чѣмъ сдѣлала это природа. Замѣчательно, что на женщинѣ уменьшеніе подвижности мышцъ отражается нѣсколько иначе, чѣмъ на мушинѣ. Въ ней увеличиваются черезъ это не страсти, какъ у мушины, а страданія. Медицина давно уже признаетъ сравнительно бльшую мучительность родовъ у женщинъ высшаго сословія передъ низшимъ. Фактъ этотъ можно объяснить такъ: рожденіе происходитъ силою внутренняго органа,

сокращающагося болѣзненно, и силою мышцъ туловища и ногъ. Если мышцы развиты отъ ходьбы и работы, то онѣ помогаютъ болѣзненнымъ сокращеніямъ внутренняго органа, дѣлаютъ ихъ такъ сказать менѣе нужными при рожденіи. Объ изнѣженныхъ аристократкахъ можно сказать, что онѣ родятъ однимъ внутреннимъ органомъ и ходятъ въ корсетѣ какъ-бы вѣчно беременныя, да и плодъ-то свой еще затягиваютъ въ корсетъ. Изнѣженность женщины, возвышая чувствительность, тоже усиливаетъ боль. Корсеты-же, которыми измѣняется не только положеніе органовъ, но и положеніе плода, служатъ подготовкою къ самымъ несчастнымъ случаямъ. Если еще женщина дѣлаетъ какой-нибудь моціонъ, то это въ танцахъ. Но танцы не могутъ замѣнить гимнастики: они проходятъ обыкновенно въ душныхъ комнатахъ, въ самомъ испорченномъ воздухѣ. И наконецъ они есть удовольствіе юности, танца - это своего рода объятія, только подъ музыку. Нѣмецкіе педагоги совѣтуютъ начинать

гимнастику почти съ первыхъ годовъ жизни, предлагаютъ даже особыя игры для этого; но все это едва-ли исполнимо. Достаточно было-бы, если-бы гимнастика сдѣлалась **вполнѣ обязательнымъ предметомъ въ нашихъ гимназіяхъ.**

Когда рабство дало грекамъ средства избѣгать механическаго труда, они не оставили своихъ мышцъ безъ дѣйствія и изобрѣли гимнастику; у насъ она должна получить еще бльшее распространеніе и развитіе, - потому что цивилизація наша основана не на рабствѣ чловѣка, а на господствѣ его надъ природой. Машины теперь должны исполнять роль рабовъ. Чѣмъ далѣе мы будемъ идти впередъ, тѣмъ механической трудъ чловѣка будетъ болѣе терять свою практическую приложимость, тѣмъ необходимѣе дѣлается гимнастика. Англійскій боксъ и спортменство вѣроятно не мало имѣли вліянія на развитіе энергіи и самообладанія **верхнесословныхъ англичанъ.**

Само собою разумѣется, что физическое развитіе само по себѣ не составитъ еще основы воспитанія. Силы наши должны быть не только собраны, но имъ еще нужно проложить дорогу посредствомъ знанія и дать тонъ и направленіе посредствомъ искусства. Гимнастика служитъ только подготовкой къ умственному развитію и нравственно-эстетическому воспитанію. О первомъ мы говорить не будемъ - предметъ слишкомъ разъясненъ, и наконецъ мы рѣшились говорить не объ ученіи собственно, а объ воспитаніи такъ какъ мы его понимаемъ. Многіе думаютъ, говорили мы въ первой своей статьѣ¹, что вмѣстѣ съ паденіемъ мистическаго начала и искусство должно пасть, потерявъ свою таинственную прелесть; напротивъ оно должно теперь расширить свою сферу. Его воспитательная роль должна возвыситься. Наука учитъ, а искусство воспитываетъ. Небреженіе, которымъ пользуется искусство въ глазахъ нѣкоторыхъ, фактъ временный,

---

¹ Теорія безобразія, Эпоха 1864 № 7.

происшедшій отъ поверхностнаго увлеченія, случайныхъ обстоятельствъ и плохого знакомства съ дѣломъ. До какого комизма дошло это увлеченіе начинаютъ понимать теперь уже и самые увлекатели.

Чтобы выяснитъ лучше воспитательную роль искусства, постараемся дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ тѣми-же самыми орудіями, которыя обыкновенно употребляются противъ него. Именно - взглянемъ на него съ точки зрѣнія природы. Искусство есть прежде всего явленіе естественное, - это какъ-бы цвѣтъ жизни. Безъ искусства, безъ поэзіи жизнь можетъ пожалуй походить на мастерскую, на лабораторію, на фабрику, но никогда не будетъ жизнію. Уваженіе такого рода къ природѣ проникаетъ только въ умъ, но не живитъ воображенія. Древніе въ этомъ случаѣ могутъ служить намъ вѣчнымъ примѣромъ: у нихъ изъ уваженія къ природѣ родилась не только наука, но и искусство; они ее не только уважали, но и обожали.

Изъ всѣхъ искусствъ самое распространенное было чуть-ли не музыка. Знать музыку было обязанностію почти всякаго еврея, грека и александрійца. У грековъ музыкѣ обучались наравнѣ съ гимнастикой; ей приписывали даже силу обузданія страстей: на этомъ основанъ миѳъ объ Орфеѣ, укращающемъ звѣрей. Диссонансъ, производимый въ душѣ страстями, дѣйствительно ничѣмъ такъ не можетъ быть уничтоженъ, какъ мелодіею музыки. Гармонія музыки по видимому употреблялась уже иначе, чему служатъ примѣромъ римскіе и наши марши, которыми пользовались для возбужденія рѣшимости; первый приступъ къ битвѣ, хоть бы онъ былъ и ради идеи, но все-таки требуетъ много силы душевной и музыка конечно остается не безъ дѣйствія. Изъ этого такъ сказать фізіологическаго дѣйствія видно, что какъ мелодія преимущественно падаетъ на чувство, такъ гармонія - на волю²; но ни та ни другая не рисуютъ картинъ, не дѣйствуютъ на

---

² Эту идею мы оставляемъ на отвѣтственность автора. Ред.

воображеніе, или точнѣй дѣйствуютъ только на ту часть его, которая называется въ тѣсномъ смыслѣ фантазіею, воображеніемъ чувства, а не страсти. Только Фелисьень Давидъ пытался изобразить звуками природу, да и то пустынную. Эта то безстрастная идеальность есть сила и слабость музыки. Власть ея велика надъ человѣкомъ. Вырастая изъ звуковъ природы, она не слишкомъ глухихъ людей заставляетъ и плакать, и радоваться, и доходить до самоотверженія, но никогда не возбуждаетъ животной страсти. Музыка есть самое субъективное, самое такъ сказать лирическое изъ всѣхъ искусствъ: не даромъ въ словѣ лиризмъ есть музыкальный терминъ. Г. Сѣровъ необыкновенно вѣрно выразился когда сказалъ, что если-бы все можно было выразить словомъ, не существовала-бы и музыка. Если люди до сихъ поръ не научились вполнѣ пользоваться этимъ, какъ и всѣми другими искусствами, то изъ этого еще глупо выводить, что музыка пустяки.

Не менѣе сильную власть надъ человекомъ имѣеть и живопись, - проводникомъ ея къ душѣ служить органъ зрѣнія. Гармонія линий и цвѣтовъ въ безконечной игрѣ и разнообразіи выражаетъ тутъ уже болѣе объективное явленіе - формы жизни. Въ скульптурѣ эта объективность достигаетъ высшей степени. Пластическое изображеніе формъ заставляеть насъ такъ сказать щупать воображеніемъ образы. И оттого скульптура такъ была свойственна самому объективному изъ всѣхъ народовъ - грекамъ. Цѣломудренное христіанство одѣло обнаженныя формы. Сила генія сосредоточилась въ лицѣ, - отсюда понятное развитіе итальянской живописи.

Въ поэзіи всѣ эти искусства сливаются вмѣстѣ. Но у поэзіи есть свой органъ - человѣческой языкъ (понимаемъ это слово не только въ фізіологическомъ, но и психологическомъ смыслѣ). Наукѣ языкъ служить уже побочнымъ дѣломъ. Въ наукѣ важенъ сборъ фактовъ и идей, а не самое изображеніе ихъ; въ поэзіи-же идеи

столько-же воображаемы, сколько изображаемы. Наука и наблюдение преимущественно собирают факты, поэзия же воплощает. При взглядѣ Макса Миллера на языки вообще какъ на естественное явленіе природы, смыслъ поэзіи получаетъ еще болѣе глубокое значеніе. Если основа языка въ природѣ, въ звукахъ, въ цвѣтахъ, въ ощущеніяхъ и раждающихся отсюда мысляхъ, то слово есть dokonченный рефлексъ: отъ избытка сердца глаголютъ уста. Первое слово дитя изобрѣтаетъ само. Оно языку легко учится, потому что все приспособлено въ немъ къ тому, какъ приспособленъ на примѣръ глазъ, чтобы видѣть, ухо, чтобы слышать.

Всѣ знаютъ, что въ человѣкѣ есть извѣстная способность узнавать и разбирать звуки съ опредѣленнымъ числомъ колебаній воздуха; способность эту называютъ музыкальнымъ слухомъ; ею всякій въ большей или меньшей степени владѣетъ. Она можетъ развиваться и притупляться. Подобнаго-же рода способность существуетъ и въ

психическомъ и физическомъ органѣ языка. Способность эту называютъ эстетическимъ чувствомъ. Кто не имѣетъ хорошаго музыкальнаго слуха, тотъ конечно и не сдѣлается музыкантомъ; у кого не развито эстетическое чувство, тотъ разумѣется не пойметъ поэзіи. Онъ можетъ быть хорошимъ работникомъ, полезнымъ собирателемъ фактовъ, болѣе или менѣе удачнымъ переводчикомъ чужихъ идей, но самъ дороги никому не проложитъ, да и жить будетъ жизнью болѣе низшею. Великія идеи исходятъ изъ сердца, - сказалъ кто-то. Не признавать живописи и музыки, это тоже, что ослѣпнуть и оглохнуть въ извѣстномъ отношеніи. Утверждать-же, что поэзія - глупость, поэзія - вздоръ, равняется особаго рода нѣмотѣ или страданію мозга, мѣшающему не только выражаться, но и понимать языкъ во всемъ его объемѣ, со всей его неодолимой и упругой силой.

Мы не раскаеваемся нисколько, что такъ часто и такъ долго останавливаемся на идеѣ нравственно-эстетическаго чувства и со

всѣхъ сторонъ ее осматриваемъ; противопоставляя ее идеѣ эгоистическаго реализма, мы просимъ только, чтобы противники наши, если-бы только таковыя нашлись, побивали насъ фактами и логикой, а не фразами и безконечно-длинными статьями. Чѣмъ короче мы будемъ говорить, чѣмъ болѣе отбросимъ въ сторону все лишнее, тѣмъ скорѣе дѣло пойдетъ на чистоту; тѣмъ очевиднѣе будетъ читателямъ, кто правъ и кто виноватъ. Всѣ личности, сплетни, пронюхиванія и клеветы, киданіе камнями изъ за угла и попреки болѣзнію, молодостью и т. д. мы должны отбросить въ сторону. Всѣ эти средства, такъ развращающія нашу литературу, указываютъ не на смѣлость, а на трусость передъ чужой идеей и неумѣнье опровергнуть ее добросовѣстнымъ образомъ; размашистая рѣзвость пера, печатаемая на-черно статьи и произвели ту полуразрѣшонность спорныхъ вопросовъ, которыми полна литература. Вопросъ о воспитаніи именно принадлежитъ къ числу такихъ вопросовъ.

Еще Руссо, какъ извѣстно, сказалъ, что воспитаніе должно быть согласно съ природой. Слова эти поворяютъ съ легкой руки всѣ отъ Песталоци и Базедова до Нимейера и Дистервега со всѣми нашими педагогами. И что-же мы видимъ изъ этого стремленія воспитателей сообразоваться съ природой? Собираютъ дѣтей массаами, запираютъ въ отдѣльныя комнаты, показываютъ имъ снимки, скелеты и куски природы, а самую природу прячутъ. Знать природу систематически еще не значитъ знать ее вполнѣ. Знаніе это освѣщаетъ умъ, но не живить воображенія, главное-же не оставляетъ полнаго впечатлѣнія. Естественныя науки учатъ великолѣпнымъ образомъ анализировать природу, понимать сущность ея, но не понимать ея формы. Форма не пустое слово; ни въ чемъ такъ не обнаруживается жизненность и разнообразіе природы какъ въ формахъ и звукахъ. Въ нихъ вѣчный метаморфозъ и

вѣчное измѣненіе. И это оттого, что природа, какъ мы уже замѣтили, идетъ по извѣстнымъ законамъ къ неизвѣстнымъ результатамъ. Будущее есть призракъ дѣйствительности, о которой мы и понятія себѣ составить не можемъ. Природа въ одно и тоже время и мертва и жива. Живая природа, или жизнь, есть предметъ поэзіи; въ формахъ и звукахъ природы вылилась сама жизнь, въ формахъ-же выражаются и идеи искусства. Вы можете анатомически и физиологически разобрать составъ дерева, но не можете подвести подъ научныя данныя формы и группировку растеній, перемѣны ихъ свѣта и тѣни, перспективныя отношенія къ равнинѣ и украшеніе ея вѣчно измѣняющимися облаками и небомъ и переполненіе ея никогда неумолкающими звуками. Великіе натуралисты, подобныя Гумбольдту, не даромъ видно говорили о картинахъ природы. Но мало того, каждое дерево само по себѣ составляетъ законченную картину и имѣетъ физиономію. Въ рвущихся къ небу вѣтвяхъ тополя есть что-то сосредоточенное, гордое; липа съ ея

нѣжными вѣтвями имѣеть въ себѣ что-то мягкое, женственное; береза выгядить уже иначе: стволь ея напоминаеть зиму, а въ ея опущенныхъ книзу вѣтвяхъ есть что-то горькое, полуубитое, - точно однѣ бѣдныя хижины и предназначено ими украшать. Какъ-будто каждымъ деревомъ природа хотѣла что-то сказать, потомъ задумалась да такъ и замерла. Вотъ слабый намекъ на то, что мы разумѣемъ подъ словомъ натуральное чувство, чувство природы.

Натуральное чувство, - чувство эстетическое, и гуманное чувство, или чувство человѣческое, находясь въ неразрывной связи другъ съ другомъ, должны служить и основой настоящаго воспитанія. Кто въ общности и въ формахъ не понимаетъ природы, тотъ конечно не можетъ понять и жизни. Слово пониманіе тутъ впрочемъ и не выражаетъ всего. Какъ съ природой, такъ и съ людьми мы связаны не умственными выводами, а болѣе непосредственнымъ образомъ - чувствомъ. Развить это чувство такъ, чтобы оно сдѣлало человѣческія отношенія болѣе

гуманными - есть задача эстетическаго воспитанія.

Искусство, можно сказать, еще не оцѣнило вполнѣ серьезности своего назначенія и потому большею частію служило постороннимъ цѣлямъ и развлеченіемъ между дѣль. Цѣль его - гуманизировать людей. Наука бралась за это дѣло и ничего не могла сдѣлать. Классицизмъ изобрѣлъ только слово гуманность. Исторія опредѣлила до нѣкоторой степени и доказала возможность гуманности. Когда по страницамъ исторіи люди взглянули на свое прошедшее, они увидѣли, что вся вражда народовъ, государствъ и религій ни къ чему не ведетъ. Но какъ сдѣлать, чтобы въ людяхъ было поменьше этой вражды? Ужь конечно этому не поможетъ ни эгоизмъ, ни утилитаризмъ и ни реализмъ въ томъ узкомъ значеніи слова, какъ его понимаютъ.

Никогда мы не повѣримъ, чтобы человекъ, остающійся равнодушнымъ передъ великими картинами природы и передъ ея гармоническими звуками, или считающій за глупость великія сцены жизни и отраженіе этихъ сценъ и картинъ въ искусствѣ, - чтобы такой человекъ, говорю, былъ гуманенъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Если онъ и рѣшится на подвигъ самопожертвованія, то развѣ изъ подражанія. Сила примѣра велика. Инициативы-же гуманнымъ поступкамъ у него нѣтъ и не можетъ быть. Кромѣ того толкаетъ его впередъ и самолюбіе. Отсюда гордость, высокомеріе и презрительный тонъ. Эти негуманныя свойства принадлежать по преимуществу нашимъ современнымъ прогрессистамъ. Они на примѣръ готовы сдѣлать народу добро, но смотря на него свысока и ставя себя на неизмѣримо далекомъ отъ него разстояніи. Потому то мы и не вѣримъ въ этотъ прогрессъ самодовольныхъ и высокомерныхъ людей. Въ нихъ безъ сомнѣнія есть уваженіе къ наукѣ, но

уваженіе это слишкомъ односторонне. Они требуютъ отъ науки даже и того, чего наука не въ силахъ дать. Наука пожалуй доказала намъ, что рабство невыгодно, да не совсѣмъ; отъ этого-то оно и тянется еще въ видѣ хроническаго пролетаріата. Тутъ видно необходимъ другой принципъ, болѣе творческая, болѣе стремительная сила - искусство поэтическое. Поэзія рука объ руку съ наукой, а не подъ ногами у нея.

Если сказано: возлюби Бога, а потомъ ближняго, то человѣчество значитъ наше второе божество. Въ языческихъ религіяхъ божеству придавали даже человѣческія добродѣтели, стараясь совмѣстить въ немъ все, что только умъ людей по тогдашнимъ понятіямъ могъ представить хорошаго. И этому идеализированному человѣчеству уже кланялись въ своихъ храмахъ. Такъ велико было всегда въ людяхъ уваженіе къ человѣческому достоинству! Да оно и теперь не уменьшилось. Значитъ любить

людей нужно прежде всего, чтобы умѣть съ ними обходиться; а какже, скажите, научиться любить, если мы не будемъ умѣть цѣнить красоты, благородства, достоинствъ и всего, что видятъ и показываютъ въ людяхъ всѣ истинные поэты? Дѣятельность поэтовъ въ этомъ отношеніи неисчислима. Тургеневскія «Записки охотника» возбуждаютъ симпатію къ народу; «Шинель» Гоголя заставляетъ насъ любить мельчайшаго изъ смертныхъ, а «Бѣдные люди» почти уважать такихъ униженныхъ. Гюго учитъ снисходить къ нищимъ, калѣкамъ, изувѣченнымъ болѣзнію и изуродованнымъ преступленіями. Кто наконецъ женщинъ представляетъ такимъ образомъ, какъ Пушкинъ Татьяну, такъ что всякое нигилистическо-пѣтушиное чувство пропадаетъ? А кто наконецъ дѣтей представляетъ намъ такъ, какъ они изображены у Эліота? Кто учитъ любить природу, свой народъ со всѣми его слабостями и недостатками, и все это съ неодолимой силой соединяетъ насъ всѣхъ и

привязываетъ къ родинѣ, такъ что языкъ и литература есть основа не только гуманизма и челоѳчества, но и народности, національностей? Не будь у нѣмцевъ народныхъ пѣсень Лессинга, Шиллера, Гёте и другихъ, они-бы давно разбѣжались въ разныя стороны. Литература только и вяжетъ ихъ. И насъ тоже она должна болѣе всего вязать. Не знать своего языка прежде всего и лучше всего - это тоже, что измѣнить отечеству, быть связаннымъ съ ними одними только матеріальными интересами, а не жить съ нимъ за одно. О людяхъ, не уважающихъ нашей литературы и непонимающихъ народнаго генія, можно почти тоже сказать: они оторваны силою тяжолыхъ обстоятельствъ отъ своей почвы, отъ своей родины.

Отчего-же происходитъ, что искусство не вошло такъ сказать въ свою роль и имѣетъ сравнительно малое вліяніе на развитіе челоѳка? Причинъ много. Первая

- несвоевременность изученія искусства. Хотя давно уже смутно сознается въ обществѣ, что чтеніе романовъ почему-то вредно дѣтямъ; но осязательнаго объясненія этому еще не приискано, а потому избѣгать этого чтенія многіе считаютъ пуризмомъ. Романы и художественныя произведенія дитя потому не должно читать, что у него еще не развитъ органъ, которымъ они понимаются. Романы изображаютъ жизнь, а дитя только еще всматривается, но не живетъ. Поэзія регулируетъ, идеализируетъ страсти, а у ребенка ихъ еще нѣтъ. Эстетическія произведенія поэтому дѣйствуютъ только на воображеніе; воображеніе-же искусственно возбуждаетъ страсти, преждевременно старитъ организмъ. Ребенку предстоитъ два исхода черезъ это: или впасть въ грубое суевѣріе, наполнить голову призраками и мечтами, или утратить свои творческія силы и впасть въ безсодержательный нигилизмъ искусства, опротивѣвшаго отъ ранняго знакомства съ нимъ. Знакомство съ поэзіею поэтому должно совершаться

преимущественно въ юности - этомъ поэтическомъ возрастѣ жизни. Только исключительныя способности могутъ быть причиной отступленія, особенно въ отношеніи музыки, какъ самомъ субъективномъ и безстрастномъ изъ всѣхъ искусствъ. Но музыки какъ живописи не всякій тоже долженъ учиться. Это одна изъ крупныхъ ошибокъ женскаго воспитанія, что дѣвушка, имѣй или не имѣй способности, всегда должна знать музыку какъ украшеніе. Но не то въ отношеніи поэзіи: поэзію долженъ понимать всякій, кто не окончательно зачерствѣлъ, и понятія о ней черпать изъ первыхъ источниковъ. Это необходимо, чтобы сразу увѣровать въ поэзію и жизнь. О жизни ничто не даетъ такъ скоро и такого вѣрнаго понятія, какъ величайшіе художники и поэты, хотя этимъ путемъ обыкновенно рѣдко знакомятся съ жизнью. Изображая какой нибудь типъ или характеръ, художникъ выбираетъ изъ жизни множества людей все болѣе существенное. Этотъ-то созданный поэтомъ идеальный челоѡкъ въ свою очередь

дѣйствуетъ на людей, развиваетъ иногда въ нихъ новыя черты характеровъ. Мы уже говорили какъ подѣйствовало на наше общество изображеніе лишнихъ людей. Оно произвело нигилистовъ. Теперь, когда Тургеневъ насѣлъ и на нихъ, явились реалисты, которые все-таки немного лучше первыхъ. Что будетъ дальше - увидимъ. Искусство не оставитъ своей роли.

Теперь остается намъ еще поговорить о другой причинѣ упадка эстетическаго развитія, о набиваніи и загроможденіи головы ребенка ненужными предметами. Школа есть мѣсто, гдѣ онъ преимущественно подвергается этому умственному пичканью. Съ степенью аппетита, съ возможностью совмѣстить въ себѣ массы различныхъ свѣденій - никто не соображается. Ничто такъ не дѣйствуетъ вредно на развитіе молодости, какъ ненужныя знанія. Съ ними человѣку становится послѣ какъ-то неловко, а бывають и такіе случаи, что человѣкъ, не зная что дѣлать и какъ воспользоваться хорошо знакомымъ ему предметомъ,

старается его навязать другимъ, пользуясь авторитетомъ или положеніемъ... Къ числу ненужныхъ знаній можно причислить во многихъ случаяхъ даже и высшую математику, которая столь-же легка для способныхъ къ ней, сколько недоступна и бесполезна для неимѣющихъ къ ней склонности. Воспитывать сообразно съ способностями, сообразно съ природой - должно быть одно изъ первыхъ условій; у насъ-же на это не смотрятъ. Юноша обыкновенно самъ узнаетъ къ чему у него есть способности, къ чему нѣтъ; и чаще всего оказывается, что способности у него къ тому, чему его плохо учили или совсѣмъ не учили. Обычай богатыхъ людей обучать двумъ или тремъ языкамъ заразъ дѣйствуетъ еще вреднѣе на развитіе. Мысль ребенка раздваивается. Дитя напримѣръ говоритъ по французски, думаетъ по русски, читаетъ по нѣмецки, и немудрено, что выходитъ безконечная пустота и трата способностей на мелочи и роскошь. Вообще, чтобы эстетическое воспитаніе достигало своей цѣли, нужно непременно,

чтобы и ученіе сообразовалось съ нимъ и наоборотъ. Въ началѣ и то и другое, то есть и ученіе и воспитаніе, должно какъ-бы сливаться вмѣстѣ. Такъ было и въ исторіи человѣчества въ ранній періодъ его развитія: и религія, и философія, и наука, и поэзія - все сливалось тогда въ одно. Народными пѣснями должно кажется начаться воспитаніе, да ими еще и убаюкиваютъ теперь нашихъ дѣтей. Няньки въ этомъ случаѣ могутъ служить лучшимъ орудіемъ. Нужно только, чтобы онѣ съ пріобрѣтеніемъ образованія не забывали своихъ пѣсень. Славянофиламъ принадлежитъ честь собранія этихъ произведеній народной поэзіи; но они не оцѣнили ихъ какъ слѣдуетъ: у нихъ не достало на то эстетическаго вкуса; такъ что общество наше еще не знаетъ, какимъ орудіемъ воспитанія и соединенія нашего съ народомъ оно владѣетъ. Сказки при строгомъ разумѣется выборѣ могутъ тоже служить отличнымъ воспитательнымъ средствомъ, скажемъ мы наперекоръ всѣмъ думающимъ убить воображеніе въ ребенкѣ.

Дурно, если дѣятельность воображенія будетъ брать перевѣсъ надъ дѣятельностію ума; но совсѣмъ не жить воображеніемъ ребенокъ не можетъ: для него дѣйствительная жизнь въ настоящемъ смыслѣ не существуетъ. Дѣтскому міровоззрѣнію дѣйствительная жизнь представляется чѣмъ-то несообразнымъ. У него своя жизнь и свой міръ. Ребенокъ напримѣръ говоритъ съ животнымъ, съ куклой, съ цвѣткомъ и не подозрѣвая, что они его не понимаютъ, и послѣ, когда начнетъ сознавать, какъ-бы не хочетъ вѣрить въ неодушевленность и бездушность предметовъ. Мы видѣли ребенка, который плакалъ оттого, что его не слушалась кукла, которую онъ не умѣлъ посадить. Ихъ безконечная наивность требуетъ и особой пищи. Какіе-нибудь разговоры съ животными и квартеты съ проказницей мартышкой, осломъ, козломъ да косолапымъ мишкой для дѣтей выше всего. Но почему-же именно забавляютъ ребенка представленіями о жизни животныхъ, олицетворенной въ басняхъ, и не

развлекать его представлѣніями о жизни людей, какъ это сдѣлалъ народъ въ сказкахъ? Это-бы не только воспитывало нашихъ дѣтей, но и связывало ихъ съ народомъ. Да такъ и бываетъ еще у насъ, въ немногихъ впрочемъ случаяхъ и въ очень несовершенномъ видѣ. Сборникъ пѣсенъ и сказокъ, составленный эстетически, долженъ быть нашею первою хрестоматіей. Сборники славянофиловъ есть только драгоценные матеріалы для такого сборника; они есть, такъ сказать, лѣтописи народной поэзіи, столь же многодоступныя для народа, какъ и для образованныхъ людей. Оттого-ли, что народъ нашъ жилъ слишкомъ долго своею собственною замкнутою жизнію, или отъ чего другого, но только его пѣсни, его сказки и пословицы безмѣрно хороши. И какже въ самомъ дѣлѣ имъ не быть такими, когда въ нихъ сосредоточена жизнь многолюднѣйшаго народа въ продолженіи многихъ вѣковъ. Таланты родились и умирали, не сознавая себя, и въ потѣ лица зарабатывая хлѣбъ импровизировали свои

чудныя пѣсни. Общество наше дѣлаетъ большую ошибку, что такъ равнодушно относится къ произведеніямъ народной поэзіи и народной мудрости.

О томъ, какъ должно произойти сліяніе ученія и воспитанія, знаніе науки и искусства въ дѣтствѣ, - говорить мы не будемъ. Этотъ вопросъ требуетъ особой статьи. Замѣтимъ только бѣгло, что учить читать должно какъ можно позже и мало-по-малу, переходя отъ игрушекъ. вмѣстѣ съ чтеніемъ, какъ водится, нужно учить и счисленію, основамъ математики. Естественныя науки слѣдуетъ сначала преподавать не иначе, какъ вмѣстѣ съ географіей или по крайней мѣрѣ въ связи съ ней. При этомъ-же слѣдуетъ, какъ намъ кажется, давать понятіе и о картинахъ природы. Натуральное чувство будетъ тогда развиваться вмѣстѣ съ знаніемъ. Что-же касается до словесности и искусства, то они должны примыкать къ исторіи, въ которой дѣйствительно наука какъ-бы сливается съ искусствомъ. Какъ картина прошедшаго, она должна вызывать не только мысль, но и

чувство. За этимъ уже или рядомъ съ этимъ, передъ вступленіемъ въ кругъ спеціального образованія, юноша, созрѣвшій и готовый для жизни, долженъ познакомиться съ Шекспиромъ, Гёте, Байрономъ, Шиллеромъ, Данте, греческими трагиками, русскими поэтами и русскими пѣсенниками, съ русскими былинами, преданіями и наконецъ лѣтописями; и познакомиться не какъ-нибудь слегка, по коротенькимъ замѣткамъ, а въ возможной полнотѣ, чтобы свѣтъ каждой изъ гениальныхъ личностей не пропадалъ даромъ. Изъ этого знакомства юноша увидитъ, что поэты въ своихъ фантастическихъ порывахъ иногда забѣгали такъ далеко, что мы и теперь еще оказываемся во многомъ позади. Поэзія дѣйствуетъ не во времени, какъ наука, а болѣе въ пространствѣ. Истинный поэтъ не можетъ устарѣвать. Самое слово: идея - есть преимущественно слово поэзіи, потому что идея есть мысль, отъ которой нельзя отдѣлить образовъ, это мысль - воплощенная жизнь. Когда все это

уяснится, поэзія перестанетъ быть орудіемъ забавы и будетъ смягчать, а не развращать нравы.

Что-же дало такое направленіе искусству, что его уклонило отъ его цѣли? Мода и роскошь, скажемъ мы прямо. Мода и роскошь есть тоже выраженіе эстетической потребности, но только выраженіе самое извращенное. Новизна, блескъ, эффектность замѣняютъ тутъ красоту, гармонію и сообразность идеи съ формой. Дороговизна почти равняется достоинству; а безпрестанная мѣна предметовъ обращается въ потребность вкуса. Вкусъ замѣняется прихотями и капризами. Самые даже инструменты роскошь обратила въ игрушки: рояли напимѣръ служатъ у многихъ не для игры, а для украшенія; самая-же игра не для высшаго наслажденія, а для потѣхи и тщеславія. Тщеславіе людей и дало именно такой ложный толчокъ эстетическимъ

потребностямъ, что онѣ стали выражаться въ драгоценныхъ вещахъ, роскошной обстановкѣ, Вальтазаровскихъ пирахъ, а не въ простыхъ художественныхъ произведеніяхъ. Какъ роскошь есть произведеніе тщеславія, такъ и мода, - орудіе легкомыслія, - слѣдъ дѣтской незрѣлости общества. Настоящее изящное произведеніе не надоѣдаетъ; напротивъ, чѣмъ больше въ него вглядываешься, чѣмъ больше съ нимъ такъ сказать сживаешься, тѣмъ оно сильнѣе нравится. Къ нему можно привыкнуть какъ къ живому существу, да и оно въ своемъ родѣ есть организмъ. Кто не любилъ въ своей жизни музыкальныхъ піесъ или сочиненій, которыхъ онъ не могъ довольно послушаться и которыми не могъ налюбоваться. Настоящее изящное произведеніе кромѣ того еще и просто и большей частію недорого. Дороговизна тутъ можетъ условливаться только малымъ распространеніемъ его въ обществѣ. Наука помирилась съ роскошью, признала ее даже полезность въ нѣкоторомъ отношеніи.

Искусство не должно мириться, - потому что она есть врагъ его смертельный.

Но откуда-же, представляется еще вопросъ, взялась роскошь, откуда прихоти общества, убивающія въ немъ всякое чувство красоты и добра? Отъ ложнаго взгляда на воспитаніе. Отвѣтъ неожиданный, но кажется справедливый. Привыкши смотрѣть на дѣтей не какъ на будущее, а какъ на повтореніе себя, привыкши всегда жертвовать общественнымъ началомъ слишкомъ исключительно въ угоду семейнаго, свой личный разсчетъ ставить всегда выше желанія добра людямъ, - мы невольно также привыкли дѣтей нашихъ болѣе унаслѣдывать, чѣмъ воспитывать, давать имъ капиталъ денежный и слегка только заботиться о капиталѣ нравственномъ и умственномъ. Конечно мы говоримъ не о всѣхъ; потому что есть много и такихъ, которые ничего не жалѣютъ на воспитаніе дѣтей, ни времени, ни денегъ. Человѣкъ, трудящійся надъ увеличеніемъ капитала и оставляющій его потомъ худо-воспитанному

сыну, поступаетъ въ своемъ родѣ эгоистично. Онъ дѣлаетъ его если не жертвою, то слугою своего капитала. Мало того, поступаетъ неразсчитливо, потому что при такомъ обычаѣ рѣдко идутъ въ прокъ и самые капиталы. И не мало гибнетъ людей оттого только, что являясь въ жизнь, они оказываются столь-же невоспитанными, сколько и обезпеченными. Нужда и богатство почти одинаково развращаютъ, то есть не всѣхъ конечно. Если-бы предложили кому на выборъ, оставить послѣ себя дитя воспитанное и приготовленное вполне для образованія своего умственного и вещественнаго капитала или оставить другое дитя богатое, съ наслѣдствомъ, и тоже развитое подобно первому, - то не знаю, хорошо-ли-бы было предпочесть положеніе второго передъ первымъ; - оставшійся съ капиталомъ сдѣлался-бы невольно слугою и продолжателемъ, невольнымъ консерваторомъ дурного стараго, между тѣмъ какъ первый былъ-бы господиномъ и производителемъ новаго дѣла, новаго

капитала; и наконецъ деньги въ глазахъ его были-бы цѣннѣе, такъ какъ ему было-бы знакомо и безденежье. Трата и уничтоженіе капиталовъ обыкновенно дѣлаются тѣми, кто не знаетъ цѣны имъ. Но лѣность человѣческая такъ велика, что при воспитаніи дѣтей люди думаютъ болѣе о матеріальномъ обеспеченіи, чѣмъ о нравственныхъ и умственныхъ средствахъ къ жизни; а многіе вслѣдствіе нужды и невѣжества просто такъ пускаютъ своихъ дѣтей по вѣтру; не говорю уже о тѣхъ, которые оставляютъ дѣтямъ въ наслѣдство только нравственное, умственное и физическое увѣчье.

Кто-же долженъ быть главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ въ воспитаніи? - Женщина. Съ женщинъ мы начали свое слово о дѣтяхъ, ими-же кончимъ. Слуга науки изъ женщины выйдетъ кажется не вѣрный. Мы не говоримъ, чтобы она не могла быть слугою науки, но утверждаемъ,

что искусству она принадлежит больше. Наука требует постоянного труда, прерывы тутъ менѣ всего нужны. Какъ со всѣмъ этимъ справиться женщинѣ, чуть-ли не каждый мѣсяць заболѣвающей и чуть-ли не черезъ годъ находящейся въ опасности? Съ измѣненіемъ физическаго воспитанія всѣ эти помѣхи поуменьшатся, но не въ такой все-таки степени, чтобы уровнять организмы мужской и женскій. Организмы эти до послѣдней косточки, до послѣдней мышцы разны. Кости у женщинъ круглѣе, изогнутѣе; мышцы овальнѣе, болѣе покрыты жиромъ; не прямая или ломанная линія, а изогнутая господствуетъ въ женскомъ организмѣ. Не думаемъ впрочемъ отгораживать женщину отъ науки, - это было-бы не только невѣжество, но даже и невѣжливость. Нѣкоторыя учоныя степени также нужны женщинѣ, какъ и мушинѣ. Женскіе врачи наримѣръ необходимѣе женскихъ астрономовъ. Женщина должна не только лечиться, но также и учиться у женщинъ, въ женскихъ школахъ; только недостатокъ

образованныхъ женщинъ заставляетъ мужчинъ занимать чужія мѣста. Но въ высшей творческой жизни дѣятельность женщины все-таки будетъ преимущественно воспитательная, понимая это слово въ обширномъ смыслѣ. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ если женщина что сдѣлала, то это въ воспитаніи и изящныхъ искусствахъ, особенно американская женщина, захватившая всю педагогію въ свои руки и завѣдующая даже нѣкоторыми редакціями. Извѣстно также, какъ велико было нравственное вліяніе женщинъ въ средніе вѣка. Если она еще не возвысилась до высочайшей поэзіи, то всегда вдохновляла поэтовъ. И сумрачный Данте имѣлъ своимъ гениемъ женщину. Въ педагогіи приводится множество примѣровъ великихъ людей, которые обязаны своимъ развитіемъ матери. Кто-то даже выразился, что все человѣчество лежитъ подъ сердцемъ женщины. Гегель называетъ ее гениемъ дитяти. Достаточно иногда появленія порядочной женщины, чтобы кругъ самыхъ циническихъ мужчинъ

присмирѣль. Все это указываетъ на будущую великую роль ея въ дѣлѣ воспитанія и гуманизированія людей.

И что-же теперь видитъ вдругъ женщина - наша будущая воспитательница? Куда ни пойдетъ, на что ни взглянетъ, чѣмъ ни займется, вездѣ она въ какомъ-то двусмысленномъ положеніи, особенно въ столицѣ. Входитъ-ли она въ театръ, - въ театрѣ надъ ней потѣшаются. Гнусныя остроты, двусмысленныя выраженія влагаются въ уста дѣвушекъ; каламбуры этого рода - соль нашихъ пьесъ; между послѣдними есть и такія, которыя всѣ сотканы изъ плоскостей. Комическое положеніе сплошь да рядомъ замѣняется скандальнымъ; такъ что другой водевиль является зрителю чѣмъ-то въ родѣ скандала. И тяжело иногда смотрѣть на молодую дѣвушку, когда къ ея натуральному румянцу подмѣшивается румянецъ стыда и она, вся смущенная подъ зоркими взглядами пошляковъ, не знаетъ куда смотрѣть. Послѣ разумѣется она обтерпится, привыкнетъ къ этимъ милымъ

шуткамъ французскаго остроумія, но тѣмъ хуже.

Искусство должно морализировать, развивая въ душѣ чувство прекраснаго и благороднаго, а не возбуждать не кстати и не во время инстинкты. Театръ - это своего рода кафедра, которую искусство ставитъ наравнѣ съ университетомъ. Въ театрѣ искусство до такой степени всеобъемлюще, что не требуетъ даже отъ зрителя грамотности и образованія: въ театрѣ беретъ всякій на столько, на сколько кто можетъ взять. Это какъ-бы сама жизнь, сконцентрированная силою генія. О высокомъ значеніи театра говорилъ еще Шиллеръ и все таки значеніе его такъ упало, что у насъ, помнится, даже высказано было мнѣніе, что въ нынѣшній книжный многочитающій вѣкъ не слѣдуетъ писать драматическихъ сочиненій. Много у насъ высказывалось такихъ торопливыхъ и необдуманыхъ мнѣній. Вслѣдствіе рутиннаго положенія многіе серьезные люди считаютъ даже бесполезнымъ посѣщать театръ, и они это дѣлаютъ не

безъ причины. Какъ наука, вмѣсто истины, можетъ предлагать обратную ея сторону - ложь, такъ и искусство, вмѣсто того чтобы облагораживать, гуманизировать, можетъ учить безобразію. Самое большое уродство, которое произведено такимъ безобразіемъ въ искусствѣ есть то, что оно возбудило въ значительной части общества неуваженіе къ поэзіи; на нее стали смотрѣть какъ на шутку и ненужную роскошь, а нѣкоторые неглубокіе люди, вмѣсто того, чтобы поправить дѣло, стали совсѣмъ отрицать поэзію и этимъ произвели окончательное безобразіе. Значитъ, искусство нѣкоторымъ образомъ само виновато, что значеніе его такъ упало. И больше всего тутъ виноваты, какъ кажется, театръ. Пусть будутъ хорошіе актеры, геніальныя произведенія, роскошная постановка, но если нѣтъ души, нѣтъ идеи свѣтлой, прогрессивной, которая бы двигала театры, - тогда они не могутъ принести настоящей пользы. Болѣе публичнаго мѣста не существуетъ. Театръ есть площадь, на которую устремлены взоры сотни тысячъ людей, - и что-же они

тамъ видятъ? - Женщину, танцующую канканъ! И это вездѣ, во всей Европѣ, на всѣхъ театрахъ. Мы прежде думали, что человѣку, непускающемуся во всѣ тяжкія, танца этого не удастся и видѣть, - театры не лишили насъ этого удовольствія. Наивность наша въ эту минуту такъ была забавна, что мы думали, что танцующихъ актеровъ освищутъ, гнилыми яблоками забросаютъ. - И что-же? - Вдругъ имъ бросили букетъ. За пьесу или за танецъ, за игру или за гаерство достался этотъ букетъ, - трудно рѣшить.

Этого не должно быть. Съ женщиной-матерью нельзя такъ кавалерски обращаться. Ронять женщину тоже, что отказываться отъ своихъ дѣтей, отъ своего будущаго. По дорогѣ къ будущему шоль до сихъ поръ одинъ только мужчина; - посмотримъ не легче-ли ему будетъ, не равнѣ-ли, не успѣшнѣ-ли сдѣлается его шагъ, если онъ пойдетъ рука объ руку съ женщиной, съ мыслью въ головѣ о дѣтяхъ.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.

